

*Л.А.Гордон,
доктор исторических наук,
Центр сравнительных социально-политических
и экономических исследований*

Ретроспективы и перспективы переходного времени*

Тема кризиса российского общества, естественно, занимает сегодня ведущее место в исследованиях ученых, в рассуждениях публицистов и журналистских публикациях. Явные хозяйственные неудачи, отчетливо ощущаемые всеми, привели к тому, что, как правило, в центре анализа оказывается именно экономическая составляющая кризиса.

Однако, по нашему мнению, речь идет о кризисе перехода от одного общественного строя к другому; такой переходный кризис является

---

* В выступлении использованы материалы, подготовленные совместно с Н.Плискевич.

всеобщим; экономическая составляющая имеет в нем ничуть не большее значение, чем политическая, социальная, этическая, культурная, бытовая и т.п. Переходный кризис означает наступление "смутного времени", когда колеблются, меняются, подвергаются потрясениям не отдельные элементы, а все общество в целом. При этом природа государственного социализма делает переходный кризис особенно глубоким и сложным. Путь от государственного социализма к рыночно-демократическому обществу связан с преодолением специфических трудностей, по-видимому, несравнимо больших, чем трудности, например, буржуазных революций. Особую сложность представляет обеспечение относительно мирной реформации, более или менее плавного демонтажа государственного социализма. Между тем, плавность тут нужна гораздо больше, чем это было в эпоху буржуазных революций, хотя бы потому, что катастрофный потенциал современного производства стократ превосходит технические опасности прошлого века.

Обусловлено это многими обстоятельствами, главное из которых можно было бы определить как своего рода избыточную прочность государственно-социалистической конструкции. Пожалуй, нет в мире общества, которое базировалось бы на столь всеобъемлющем огосударствлении. В госсocialистической системе нет автономии социальных подсистем — экономики, политики, культуры и т.п. Все ее составляющие переплетены самым тесным образом, буквально сращены друг с другом. Когда Н.Рыжков в одном из своих последних выступлений в качестве главы правительства СССР восклицал, что из-за разрушения идеологии рухнет экономика, он был прав. Та экономика не могла существовать без той политики и той идеологии. Соответственно крайне трудно, почти невозможно преобразовать госсоциализм по частям, сначала в одной сфере, потом в другой. Именно в этом главная сложность постепенного демонтажа системы государственного социализма, высокая вероятность стихийного срыва планомерных реформ в катастрофический кризис. Правда, опыт китайских реформ свидетельствует, что попытка реформирования госсоциалистической экономики при сохранении политических и идеологических устоев системы не является вовсе безнадежной. Однако платить за такую попытку приходится дорогой ценой, в том числе ценой крови и репрессий. К тому же — и это главное — китайское политическое руководство обладало и обладает достаточной властью и авторитетом, чтобы заставить аппарат, номенклатуру проводить реформу, несмотря на то что она в значительной степени противоречит их непосредственным интересам. В этом смысле опыт Китая подтверждает, что плавный, начинающийся с экономики демонтаж государственного социализма возможен лишь в случае, когда сама государственно-социалистическая система еще не вступила в фазу "дряхления". Такие преобразования могут быть осуществлены, когда номенклатуры еще не сплотилась в класс, не осознала своих особых интересов, когда ею еще не завоевана та степень самостоятельности,

которая позволяет сопротивляться приказам "сверху", когда жестко централизованное руководство экономикой еще не переродилось в "экономику согласования", в некий "бюрократический рынок" и т.д.

Подобные условия существовали в нашей стране разве что в 40—50-е годы, и не исключено, что, если бы тогда руководство СССР начало коренные экономические преобразования, они могли протекать также относительно плавно, как это происходит в нынешнем Китае. (Другое дело, что в Советском Союзе в то время отсутствовали иные предпосылки реформ — прежде всего, не было политической верхушки, готовой начать их.) Но в 80-е годы, когда у нас обозначился поворот в сторону коренной перестройки общества, возможность политического центра заставить номенклатуру осуществлять экономические перемены, подрывающие ее (номенклатуры) положение, были уже несравнимо меньше, чем в Китае (или СССР на предшествующем этапе).

Разумеется, все это кажется ясным теперь, с учетом того, что мы знаем о случившемся после 1985 г. Десять лет назад стратегия преобразований, начинающихся с экономики, вероятно, казалась "капитанам перестройки" вполне реалистической.

Абстрактно мыслимые варианты развития советского общества в середине 80-х годов удобно представить в предлагаемой на рис. 1 схеме координат логического пространства, в рамках которой легко систематизировать реальные исторические альтернативы того времени. Здесь мы видим как бы четыре "полюса" возможных изменений. По вертикали расположена альтернатива в экономической сфере — рыночная либо административно-плановая экономика, по горизонтали — социально-политический выбор: либо политическая и социальная демократия, федерализм, интернационализм, сближение с Западом, либо авторитарный режим, социальный патернализм, унитарное государство, национализм, противостояние Западу. Соответственно в этом пространстве выделяются четыре логически возможных варианта осуществления преобразований:

— одновременное проведение рыночных реформ и демократизации;

— полный отказ от экономических и политических новаций, возврат к сталинизму (ни рынка, ни демократии);

— социально-политические перемены при сохранении основ госсоциалистической экономики (социальная демократия без рынка);

— рыночные реформы при длительном сохранении прежней политической и идеологической системы (рынок без демократии).

Реальный ход событий в конце 80-х — начале 90-х годов (рис. 2) позволяет думать, что именно последний вариант, т.е., по сути дела, "китайский путь" первоначально представлялся вождям перестройки наиболее желательным и реальным. Во всяком случае, вплоть до конца 1987 г. основные реформаторские усилия концентрировались в экономической сфере. Была провозглашена программа ускорения, предполагавшая, по сути, проведение структурной перестройки на-

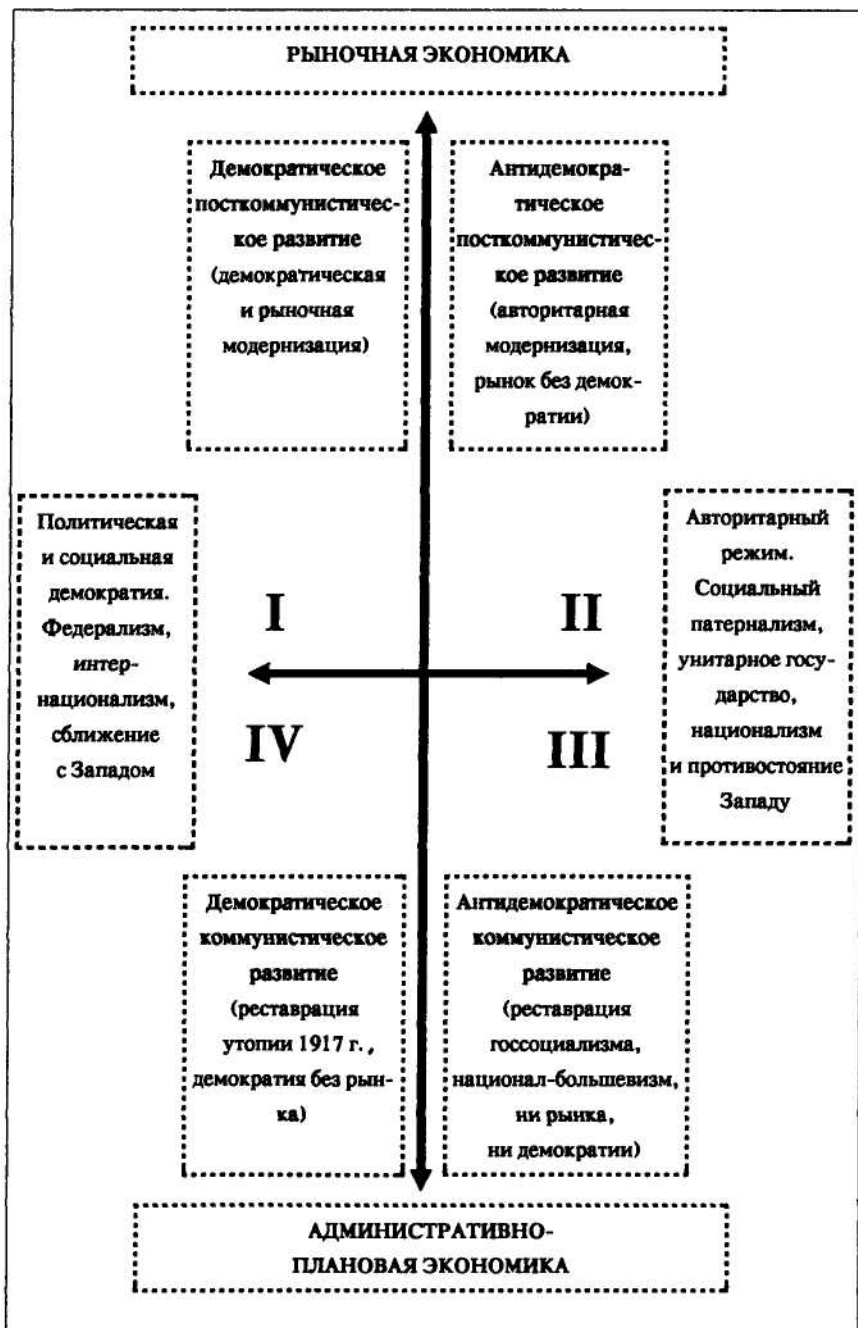

Рис. 1. Возможные варианты развития советского общества в середине 80-х годов

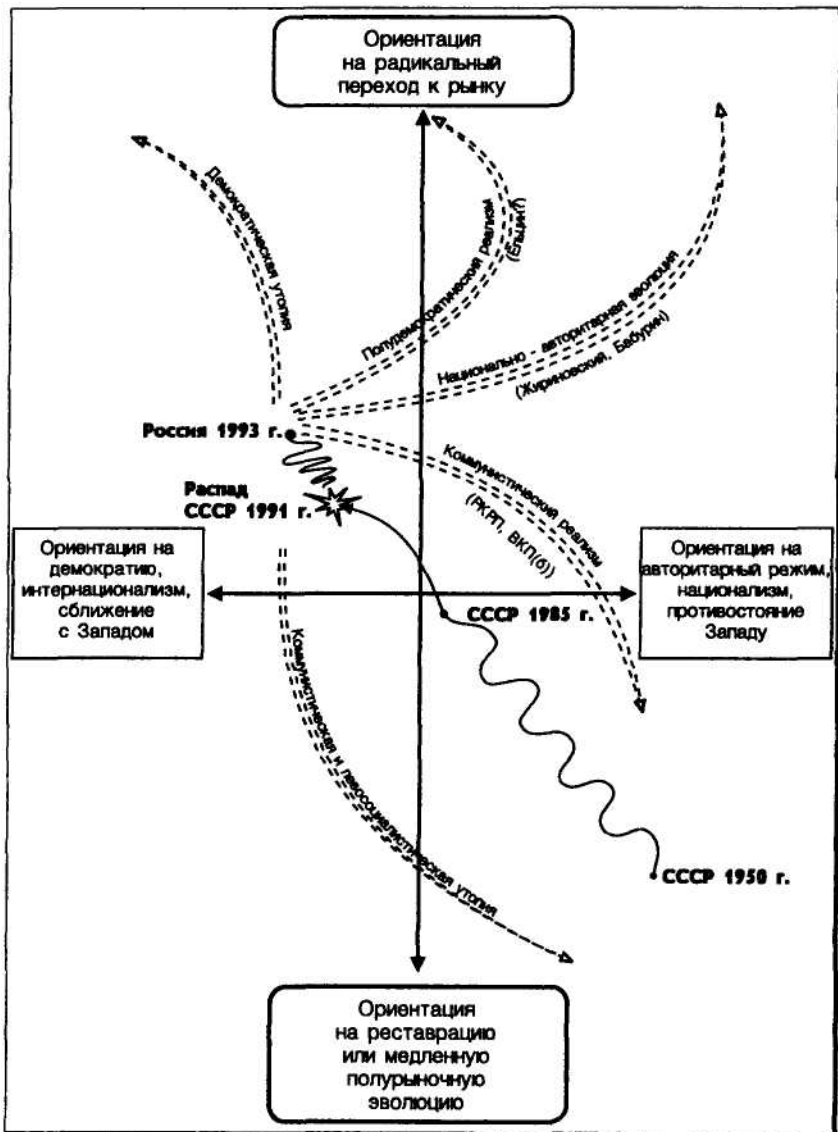

Рис. 2. Реальный ход событий в конце 80-х — начале 90-х годов

шего чрезмерно "утяжеленного" народного хозяйства. Лето 1987 г. ознаменовалось принятием пакета решений, которые, в случае выполнения, должны были стимулировать самостоятельность и активность предприятий, создать предпосылки рынка.

Однако по причинам, о которых говорилось выше, быстро обнаружилась невозможность движения по такому пути. Административно-командный аппарат сразу же почувствовал, что начинающиеся реформы противоречат его интересам. Фактический срыв экономических преобразований, провозглашенных летом 1987 г., свидетельствует об этом как нельзя более ясно. Между тем у политического центра (и здесь отличие от Китая) не достало сил подавить сопротивление номенклатуры авторитарными методами. В этих условиях продолжение перестройки можно было бы обеспечить, только дополнив экономические реформы политическими переменами, способными преодолеть стихийное сопротивление номенклатуры и бюрократии. Фактически стратегию по преимуществу производственно-экономической реформы пришлось заменить на стратегию осуществления комплексной политической и экономической реформы, в которой политическая составляющая оказывалась предусловием экономических преобразований. Как известно, такая стратегия была закреплена летом 1988 г. на XIX конференции КПСС.

Однако с переходом к одновременным политическим и экономическим преобразованиям сразу же стала сказываться особая взаимозависимость политики и экономики в советском обществе. Сперва управляемая, затем, буквально через несколько месяцев, ставшая уже неуправляемой демократизация общества повела к неуправляемому распаду партийного стового хребта политической системы со всеми опасностями реального распада устоев общества. Тем самым был дан мощный импульс процессу распада экономики и государственности вообще. В каждом районе, в каждой клеточке социума отказывались служить прежние механизмы. Партийные секретари теряли авторитет, их переставали слушать, и вся система начинала буксовать.

Говоря о распаде государственности в ходе политических и экономических перемен, мы вовсе не хотим осудить людей, которые решились осуществлять эту линию. Наоборот, поворот к политическим переменам мы считаем величайшей заслугой Горбачева и его соратников. Иного пути для преодоления номенклатурного сопротивления в то время просто не было. В обществе начали развиваться демократические институты, огромное влияние на развитие событий оказала гласность, впервые за десятилетия появившаяся относительная свобода слова. Все это как раз сделало возможным дальнейшее развертывание преобразований. Можно долго рассуждать об ошибках перестройки, просчетах Горбачева, о том, что издержки этого периода могли бы быть значительно меньшими, искать виновников и т.д. и т.п. Но при этом, как представляется, нельзя забывать главного — сам распад государственности, потеря

управляемости в каждой клеточке общества были, увы, неизбежной платой за то, что слом системы госсocialизма начался слишком поздно, когда эта система уже окостенела и потеряла возможность плавного самопреобразования. Соответственно неизбежной оказывалась и особая глубина переходного кризиса, в том числе и переходного кризиса экономики. Более того, с самого начала наш кризис перехода, распада государственного социализма был не просто экономическим, а общесоциетальным кризисом, охватывающим все стороны общественной жизни. А потому экономические проблемы в нем не являются главными и, значит, чисто экономическими методами его не победить.

Из сказанного не следует, что расширение рыночных реформ с начала 1992 г. было неверным. Положение в конце 1991 г. было таково, что иного выбора фактически не было. Линия Ельцина — Гайдара представляется в основном правильной, и сравнение России с тем, что происходит в большинстве других бывших советских республик, свидетельствует об этом достаточно ясно. Главная слабость этой линии обусловлена не субъективными ошибками, но объективной природой кризиса, тем обстоятельством, что она проводилась и проводится в обстановке необычайного ослабления, если не распада, государственности.

Одним из самых злокачественных проявлений такого распада стала гигантская криминализация общества, нарушение самих устоев общественной жизни. Преступность у нас приобрела такие формы и масштабы, что стала подменять государство, прежде всего в сфере становления рыночных отношений. Криминализация рынка представляет собой сегодня естественную реакцию общественного организма на отсутствие нормального государственного вмешательства. Вместо милиции "защиту" торговцев осуществляет рекетир, взыскать долги коммерсанту легче не через суд или арбитраж, а с помощью обращения к преступному миру. То есть преступные группы начинают выполнять в обществе функциональную роль, которую не в силах выполнить государство. Опасность подобной ситуации очевидна.

Поэтому главным сегодня представляется формирование новой государственности в каждой клеточке нашего общества, новое соединение его существующих и создающихся кусков и элементов в полноценно функционирующий организм.

К сожалению, как свидетельствует история, воссоздание государственности после революций никогда не бывает безоблачным. Это всегда болезненный процесс. Кроме того, надо помнить, что нигде и никогда становление демократии не происходило мгновенно; этот процесс всегда шел постепенно, занимая целые исторические эпохи. Высказанные еще в конце 80-х годов утверждения А.Миграняна и И.Клямкина о неизбежности периода авторитаризма между тоталитаризмом и развитой демократией представляются теоретически корректными и справедливыми.

Другое дело, что в исторической реальности такая последовательность в чистом виде, как правило, невозможна. Реальный исторический процесс всегда связан с прорывами вперед и последующими отступлениями, накоплением сил и созданием условий для новых прорывов, с остановками, укреплением достигнутого, и т.д. Поэтому требования немедленной и полной демократии в начале революционных перемен столь же естественны, как и тенденция к усилению власти на выходе из революции, когда главным становится восстановление порядка и нормальной государственности. Понятно, что установление стабильности и порядка в конце революционных потрясений связано с тем или иным ограничением демократии, с усилением элементов авторитарности в политической системе. Это обстоятельство определяет реальные варианты, реальные выборы, открытые перед нами в 90-е годы (см. рис. 3).

Совершенно утопическими в нынешних условиях представляются как политика дальнейшего одновременного проведения экономических и политических реформ, так и попытки отказа от экономических реформ при сохранении демократии. Реальный смысл сегодня имеют лишь варианты, связанные с возрастанием авторитарных тенденций при продолжении экономических реформ или отказе от них. Здесь мы видим три возможных пути.

Прежде всего, это путь коммунистического реализма, связанный с резким усилением авторитарности, отказом от экономических реформ и переходом к националистически-изоляционистской ориентации в международных отношениях (отличие от коммунистической утопии безрыночной демократии). По сути, это путь реставрации госсocialизма. Возможен и другой вариант крайнего авторитаризма, сочетающийся с рыночными преобразованиями государственно-капиталистического типа, а также с крайним национализмом (вариант, характерный для ЛДПР, РОС и т.п.). Оба эти варианта имеют много общего, отсюда вероятность союза сил, их составляющих. Но существенные различия, скорее всего, сделают такой союз не слишком прочным.

Думается, для человека демократических убеждений два названных варианта представляются неприемлемыми. Есть и еще один, более приемлемый для демократа и в то же время реалистичный вариант развития событий. Это вариант развития в полуавторитарном режиме, не закрывающим пути возвращения на демократические рельсы (а потому предполагающий его относительную кратковременность), связанный с продолжением экономических реформ и углублением политики вхождения в мировое сообщество. Последний момент чрезвычайно важен: гарантию удержания авторитаризма на умеренных позициях нам может обеспечить только всесторонний союз с устойчивыми демократическими обществами. Развитие по такому варианту, как представляется, может быть обеспечено в рамках только что принятой Конституции.

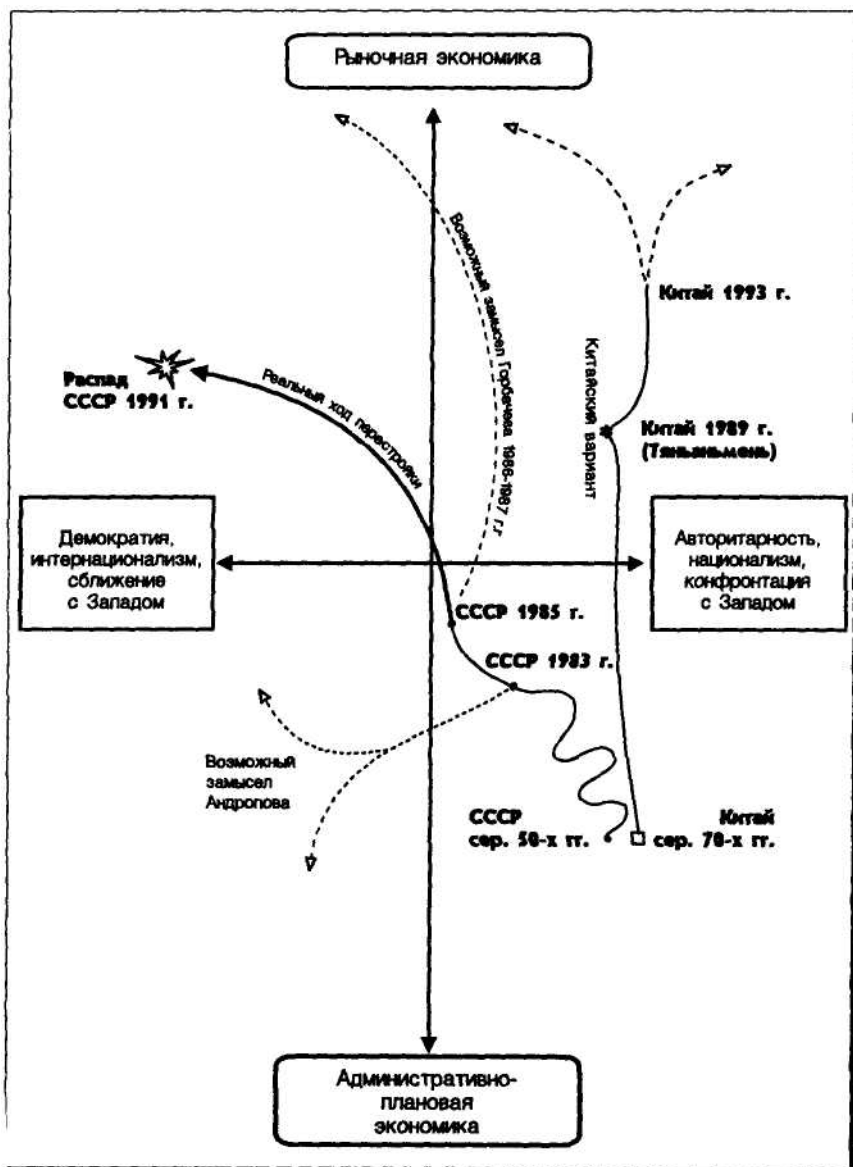

Рис. 3. Реальные варианты, реальные выборы, открытые перед нами в 90-е годы

Естественно, такой вариант таит в себе серьезные угрозы. Полуавторитарный режим может очень легко превратиться в режим совершенно авторитарный, а то и реставраторский. Поэтому поддержка его демократическими силами может иметь только условный и критический характер. Поддержка эта предполагает одновременные усилия общественности, направленные на развитие самостоятельных институтов гражданского общества, рабочего движения, демократического движения интеллигенции и т.п. В ситуации, когда полноценная демократия невозможна и полуавторитарному режиму противостоят лишь еще худшие авторитарно-националистические варианты, такая критическая поддержка дает все же надежду избежать самого плохого и сохранить возможности последующего возврата к полноценной демократизации общества.